

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИИ

Р. В. Савенков

Воронежский государственный университет,
Россия, 394068, г. Воронеж, Московский пр., 88

Анализ российских исследовательских работ по проблеме политической оппозиции позволяет выделить три основных концептуальных подхода к ее изучению: институциональный (политологический), поведенческий (социологический или процессуальный) и конфликтно-дискурсивный. Институциональный подход сосредоточивается на политико-правовых институтах и явлениях, создающих возможности или ограничения (как правило, правового характера) для действия политической оппозиции. Объектом внимания в «социологической» традиции являются социальные группы, их цели, ценности, самоидентификация, собственное понимание политико-правовых норм, реализуемые модели поведения. В основе конфликтно-дискурсивного подхода лежат анализ политических символов, средств их интерпретации, субъектов политической (конфликтной) коммуникации. В российской политической науке закрепилось узкое и широкое понимание политической оппозиции. При узком понимании речь идет о политической партии, обладающей меньшинством в парламенте. Такое понимание оппозиции теряет своих сторонников, особенно среди исследователей гибридных режимов, в которых публичный статус «оппозиционной партии» не гарантирует реальной политической борьбы, наличия идейно-программных альтернатив. При широком понимании речь идет о всех участниках политического процесса, выражающих свое несогласие с реализуемым политическим курсом. Субстанциональным признаком оппозиции здесь является наличие целенаправленной деятельности против правящего класса. Недостатком широкой трактовки категории «оппозиция» является ее размывание, потеря четкости и уникальности содержания. Обзор российских исследований позволил сформировать перечень признаков политической оппозиции: инакомыслие, публичное обозначение своего несогласия и внутренняя идентификация, предложение альтернативного проекта общественного развития, представительство групп общества, противодействие власти, организованность, способность устанавливать собственные правила «игры», контроль над деятельностью власти, диспозиция, борьба за доминирующие позиции в органах власти, стремление к институциональному оформлению, рекрутирование контрэлиты. Большое место в исследованиях российских политологов занимает теоретическое и практическое определение псевдооппозиции — субъектов политического процесса, которые имитируют оппозиционную деятельность, но не отвечают базовым критериям оппозиции.

Ключевые слова: политическая оппозиция, партия, выборы, дискурс, элита, парламент.

Начало исследования феномена политической оппозиции в западной политологии положила статья О. Киркхаймера «Ослабление оппозиции в западных демократиях», опубликованная в 1957 г. О. Киркхаймер обратил внимание на снижение уровня оппозиционности в большинстве западных демократий и указал на сближение позиций основных политических партий, формирование

консенсуса по основным социально-политическим вопросам. Другими словами, широкое специальное исследование оппозиции западными политологами начинается в период некоторого упадка, трансформации этого института (Сергеев, 2005, с. 8–9). Идеи О. Киркхаймера подтолкнули ряд ведущих западных исследователей во главе с Р. Далем опубликовать в 1966 г. масштабное компаративистское аналитическое описание моделей оппозиции в западных странах (*Political Oppositions...*, 1966). После этих публикаций большая часть зарубежных исследований по оппозиции носила описательный характер, не формируя всеобъемлющей теории.

В начале 2000-х гг. российские политологи фиксировали низкий исследовательский интерес к проблемам политической оппозиции (Гаврилов, 2003, с. 6, Сергеев, 2005, с. 8), также не позволяющий выйти на уровень качественных теоретических обобщений (Курбанов, 2009, с. 11). В период с 2000 по 2018 г. было защищено около 30 диссертаций по данной теме. Подавляющее большинство исследований, по наблюдениям Д. Татарковой, было посвящено функционированию российской политической оппозиции как института: анализировалось функционирование оппозиции на федеральном и региональном уровне, участие оппозиции в избирательных кампаниях, способы влияния оппозиционных партий на электорат и т. п. Непарламентская оппозиция, как правило, оставалась за пределами исследовательского интереса. Кроме того, фиксировался разрыв между количеством трудов, полностью посвященных проблеме оппозиции, и многочисленными работами, затрагивающими лишь некоторые аспекты функционирования политической оппозиции. Наименее изученными остаются вопросы о понятии и видах политической оппозиции, в том числе ее непарламентские формы существования и функционирования. Слабо разработана проблема формирования политической оппозиции в России на современном этапе, ее неинституционализованные типы (Татаркова, 2015, с. 8).

Цель данной статьи — систематизировать концептуальные подходы к феномену политической оппозиции, определить понятие оппозиции и ее субстанциональные черты в современных исследованиях российских политологов.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ОППОЗИЦИИ

Анализ исследовательских работ по проблеме политической оппозиции позволяет выделить *три основных концептуальных подхода* к ее изучению: *институциональный* (политологический), *поведенческий* (социологический или процессуальный (Воробьев, 2013, с. 8)) и *конфликтно-дискурсивный*.

Основы *институционального подхода* к анализу оппозиции заложил Роберт Даль. Исследуя признаки демократического режима (полиархии), американский политолог сформулировал основные институты, функционирование которых гарантирует существование конкурентного режима с легальной политической оппозицией (Даль, 2010, с. 8–9; Даль, 2000, с. 85–86). Хуан Линц в своем анализе «неудавшихся» демократий расширяет институциональный подход, дополняя анализ оппозиции экономическими и культурными факторами, акцентируя внимание на *политических переменных*, а также *социальном базисе, роли лидеров*

и сильных личностей (Линц, 1993, с. 12). Продолжая исследовательскую традицию Р. Даля, Жан Блондель адаптировал его концепт полиархий к методу сравнительного анализа. Французский политолог выделил группы факторов, влияющие на цели, стратегии и действия оппозиции, к которым, помимо институциональных, были дополнительно отнесены *социокультурные и социоэкономические факторы*. Такое обогащение концепта было призвано дать операциональные определения политической оппозиции для дальнейшей формализации и проведения сравнительного анализа (Blondel, 1997, p. 462–486).

Традиции институционального подхода к рассмотрению политической оппозиции продолжили российские политологи. Б. Калинин определяет институт оппозиции как специфическую форму политического воздействия на органы государственной власти со стороны различных социальных и политических групп с целью законодательного обеспечения своих интересов. Роль оппозиции зависит от типа конституционализма, в условиях которого развиваются политические действия (Калинин, 2005, с. 16). С. Володина рассматривает основные подходы зарубежных исследователей к анализу институциональных факторов, влияющих на уровень партийно-политической конкуренции и степень ее прозрачности (Володина, 2014, с. 27–36). Российский политолог Г. Гаврилов применяет *структурно-функциональный подход* к анализу политической оппозиции, рассматривающий ее как элемент политической системы. Влиятельность субъектов оппозиции (политических партий, элитных группировок, институтов государственной власти) зависит от их позиции в институциональной структуре системы (Гаврилов, 2003, с. 10). Итак, институциональный подход сосредоточивается на политико-правовых институтах и явлениях, создающих возможности или ограничения (как правило, правового характера) для действия политической оппозиции.

Основателем *социологического подхода* к исследованию оппозиции можно считать Мориса Дюверже, который в работе «Политические партии» прослеживает многочисленные следы особой организации оппозиции, выступающей отдельным учреждением (Дюверже, 2007). С XVIII в. место оппозиционных институтов, создаваемых государством и направленных против собственных правительственных институтов, заняло противостояние политических сил и представляющих их институтов. Отделение законодательной власти от исполнительной, «ограничение власти властью» преследовало, по мнению М. Дюверже, цель создания внутренней оппозиции правительству вместо оппозиции внешней. «Современное развитие политических партий вместе с изменением классического разделения властей преобразовало и функцию оппозиции, вновь олицетворив ее в отдельном органе, внешнем по отношению к правительству, партии меньшинства стали наследниками трибунов плебса» (Дюверже, 2007, с. 480).

Поведенческий (социологический) подход в работах российских политологов сосредоточивается на анализе поведения социальных групп, оценке влияния ценностей на поведение. По наблюдениям Э. Скакунова, источником возникновения оппозиции является блокирующий эффект институтов: невозможность индивидов реализовать свои потребности через разделяемые ими

системы ценностей вынуждает их строить свое поведение исходя из действий официальных, фактически господствующих политических и правовых норм и институтов. В результате возникает процесс отчуждения общества от государства, который приобретает пассивные или агрессивные формы, вызывая индивидуальное или коллективное протестное поведение. Оппозиция выступает «в качестве поведенческой предрасположенности индивида, группы или организации (латентная оппозиция), которая при определенных формах может сопровождаться их конкретными действиями (манифестируемая оппозиция)» (Скакунов, 1999, с. 14).

При социологическом подходе, отмечает В. Пешков, «оппозиция рассматривается как коллективное поведение, первоначальным субъектом которого является, как правило, социальная группа (неструктурированная масса, групповая структурированность). Поскольку каждая из групп осуществляет деятельность на основе своих ценностей и порой вопреки формально установленному порядку, возникает система “конфликта ценностей”, инициирующая социальную, а вслед за ней и политическую оппозицию» (Пешков, 2000, с. 54). Влияние политической культуры и политических традиций на ресурсы власти и оппозиции в современной России рассматривает Т. Ндайшимийе (Ндайшимийе, 2018).

Психологические особенности *оппозиционности* в российском обществе рассматриваются в диссертации М. О. Чернокозовой. «Оппозиционность — целенаправленная активность субъектов политики, направлена на выражение и достижение целей и задач, обусловленных определенным неприятием ими официальной направленности, порядка и уклада социально-политической и экономической жизнедеятельности общества» (Чернокозова, 2003, с. 12). Оппозиционность как психологический феномен проявляется через собственные ценностные ориентации, поведение и деятельность субъектов оппозиции (Чернокозова, 2003, с. 189). Структурно-функциональный взгляд на политическую оппозицию не помешал Г. Гаврилову учитывать при моделировании взаимодействий власти и общества глубину социокультурных кливажей. По его наблюдениям, ключевым фактором модели оппозиции является тип общества: гомогенный — обладающий общей культурой, или гетерогенный — наполненный разнородными субкультурными группами (Гаврилов, 2003, с. 12–14).

Кроме ценностного фактора, причиной, порождающей оппозицию, социологи называют неспособность властей удовлетворять интересы всех социальных групп, а также недостаточную легитимность властей. Характеристика политической оппозиции проводится по двум параметрам: *оппозиционное сознание* и *протестные действия*. Феномен оппозиционного сознания включает в себя коллективную идентичность, признание подчиненной позиции своей группы, отрицание легитимности этой позиции, готовность к коллективному действию (Танова, 2003).

Оппозиция как социальный институт рассматривается в работе А. Е. Воскресенского (Воскресенский, 2005). Исследователь зафиксировал замену идеологического противостояния противостоянием по принципу лояльности к высшему должностному лицу российского государства. Системный кризис оппозиции, по мнению А. Е. Воскресенского, вызван интериоризацией базовых

ценностей правой и левой оппозиции «партией власти». Повышение политической роли оппозиции зависит от усиления ее связи с массами, от адекватного отражения интересов и потребностей масс на основе реализации принципа социальной справедливости (Воскресенский, 2005, с. 7).

С. Кислицын возникновение оппозиции объясняет разнообразием общественных интересов, свойствами политических отношений и конфликтной природой человека в широком смысле. В качестве основных причин формирования политической оппозиции правящему режиму российский политолог называет социальное расслоение в обществе, национальное неравенство, несовершенство избирательной системы, разочарование в идеалах социально-политического строя, раскол элит и неудовлетворенные амбиции отдельных деятелей, наконец, возникновение политических партий, которые по своей природе стремятся к власти (Кислицын, 2011, с. 14).

Таким образом, объектом внимания в «социологической» традиции анализа политической оппозиции являются социальные группы, их цели, ценности, самоидентификация, собственное понимание политико-правовых норм, реализуемые модели поведения.

Перспективным становится *конфликтно-дискурсивный подход* к анализу политической оппозиции, обогащенный коммуникационными теориями. Наиболее успешно конфликтно-дискурсивный метод исследования применила Л. Тимофеева. При рассмотрении политики как сферы коммуникации применяется теория дискурса, которая рассматривает политическую реальность как сложное коммуникативное явление, включающее в себя не только характеристики участников коммуникации, но и тот социальный контекст, в который они вписаны, а также процессы производства и восприятия сообщения (Тимофеева, 2005, с. 4). Политическая оппозиция при данном подходе рассматривается как «альтернативная власть со своим набором смысловых политических кодов, выбранных в данный момент меньшинством в обществе, чьи интересы представлены или не представлены в парламенте» (Тимофеева, 2005, с. 22). Под понятием «политический код» понимается совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых политическая информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (Татаркова, 2015, с. 24).

В исследовании Л. Тимофеевой рассмотрены специфические формы политического дискурса власти и оппозиции — *конфликтный дискурс* (дебаты, споры, критическое обсуждение) и *дискурс согласований* (переговоры, «круглые» столы, пакты). Конфликтный дискурс сужает и упрощает поле сознания спорящих, направлен на обнаружение различий в позициях, позволяя найти предмет рассогласования интересов (Тимофеева, 2005, с. 23). Подвидом конфликтного дискурса можно назвать используемое в современной России однонаправленное создание негативного образа оппозиции в СМИ с одновременным уклонением от обсуждения предмета спора или проблемы. Коммуникационными методами А. Тощева оценила эффективность коммуникационных средств оппозиции в РФ в 2000-е годы и ее информационные ресурсы (Тощева, 2014). Итак, в основе конфликтно-дискурсивного подхода лежат анализ политических

символов, средств их интерпретации, субъектов политической (конфликтной) коммуникации.

На основе теоретических находок западных политологов оригинальную концептуальную карту к исследованию политической оппозиции в России предложил В. Гельман (Гельман, 2004). В качестве «сетки координат» этой карты он предлагает выделить два основных проблемных измерения — цели и средства оппозиции. Цели оппозиции можно представить в виде континуума: от политиков и групп, готовых войти в состав правительства без существенных изменений политического курса и политического режима (Х. Линц обозначает такие группы как «полуоппозицию»), до политических сил, требующих сосредоточения в своих руках всей полноты власти, как правило, для радикального преобразования режима. Такие политические силы О. Кирххаймер называл «принципиальной оппозицией». В. Гельман использует идеи Х. Линца для классификации политической оппозиции на лояльную (принимаящую легальные рамки политической борьбы, отказывающуюся от насилия) и нелояльную (опирающуюся на незаконные методы или угрозы их применения).

Ключевые факторы, определяющие тип политической оппозиции, В. Гельман рассматривает через характеристику политической элиты и политического режима. Состязательность политической элиты тесно связана с ее структурой (интеграция и дифференциация элит). Интеграция элит предполагает их способность к сотрудничеству в процессе принятия решений, а дифференциация — организационное и функциональное разделение различных групп и их относительную автономию по отношению друг к другу и к государству. Наиболее значимым институциональным (режимным) эффектом названо традиционное различие между парламентской и президентской системами (Гельман, 2004, с. 54–55). Используя описанную концептуальную схему, В. Гельман объяснил коллапс российской оппозиции в 2000-х годах институциональными и политическими факторами. Политические факторы подразумевают снижение дифференциации элит, конфликтности в ее среде, что получило название «навязанного консенсуса» (Гельман, 2008, с. 146–147).

Наиболее часто исследователи применяют институциональные и социологические методы исследования политической оппозиции. Концентрируясь на социальных и культурных факторах, они фиксируют слабость гражданского общества и отказ от участия в партийной деятельности. Рассматривая проблемы институционального дизайна, выделяют «суперпрезидентский» характер политической системы, в которой президент оказывает влияние на правительство, парламент и судебную власть, подчиняет себе всю общественно-политическую жизнь (Гельман, 2013, Кислицын, 2011, с. 403–507, Михалева, 2009), препятствуя развитию полноценного института политической оппозиции.

ПОНЯТИЕ ОППОЗИЦИИ

В соответствии со сложившейся в западной политической науке традицией, об оппозиции говорят в узком и широком смыслах (Kubat, 2010, s. 18–19). Как поясняет С. Сергеев, в узком смысле — это политическая партия, коалиция

или движение, являющееся парламентским меньшинством, но могущее прийти к власти по итогам следующих выборов (Сергеев, 2004, с. 125). Такая традиция заложена интенсивным развитием многопартийности, поскольку при демократическом политическом режиме именно партии являлись основным носителем и выразителем оппозиционного потенциала.

В политологических исследованиях одной из базовых характеристик западной демократии стало наличие организованной в партию оппозиции (Дюверже, 2007, с. 480). При этом узкое понимание политической оппозиции предполагает анализ влияния референтных *парламентских субъектов* на политический процесс, без учета иных форм организованной оппозиции в обществе и контрэлите. В традициях «узкого» понимания оппозиции С. Бигазиева анализирует парламентскую оппозицию в России, в которую включены «представители политических партий, преодолевшие избирательный барьер и образовавшие фракции в федеральном парламенте, иных законодательных органах власти, которые стремятся контролировать действия властвующей политической элиты» (Бигазиева, 2013, с. 16).

Недостаток «узкого взгляда» на политическую оппозицию — ограничение исследовательского поля, невнимание ко всему разнообразию форм организации власти (Гаврилов, 2003, с. 21), проявляющихся не только в парламенте и правительстве. Кроме того, спектр функций, выполняемых политическими партиями, не ограничивается только борьбой за публичные властные позиции. Указанная модель взаимодействия консолидированной власти и консолидированной оппозиции часто называется «вестминстерской». Специфичность «вестминстерской модели» привела к тому, что в полном объеме она нигде, кроме Великобритании, не реализовалась, находясь в настоящее время в состоянии глубокой трансформации и в этой стране (Best, 2013, p. 327, Jonson, 1997, p. 457–478). Некоторые западные исследователи выступили с предложением расширить понятие «политической оппозиции», включив в него все формы несогласия с правительством или его политикой, политической элитой или политическим режимом в целом, выражаемые организованными акторами в публичной сфере различными формами поведения (Brack, Weinblum, 2011, p. 74). Итак, узкое понимание оппозиции теряет своих сторонников, особенно среди исследователей гибридных режимов, в которых публичный статус «оппозиционной партии» не гарантирует реальной политической борьбы, наличия идейно-программных альтернатив.

В *широком смысле* понятие «оппозиция» сосредоточивается на деятельностном аспекте участников политического процесса, рассматривая его как простое противоположение одной политики другой, выступление против мнения большинства либо господствующего мнения, состояние противопоставления или противоречия с чем-либо (Политлексикон, 2013, с. 392). Такая трактовка оппозиции предполагает многообразие субъектов воздействия на правительство — это могут быть партии, социальные движения, группы интересов, СМИ, внутриэлитные кланы и группы давления, обладающие достаточным ресурсом для ограничения действий правительства. Недостатком широкой трактовки категории «оппозиция» является ее размывание, потеря четкости и уникальности

содержания (Гаврилов, 2003, с. 20). Широкая трактовка понятия «оппозиция» сближается с понятием «протест». Протест означает негативную реакцию на действия власти и, как правило, не предполагает наличия позитивной программы, альтернативного варианта разрешения проблемы. **Оппозиция — более сложный уровень протеста, предполагающий, кроме собственных предложений, еще и стремление субъектов протестных действий к получению властных статусов и позиций.**

Для устранения терминологической путаницы С. Сергеев предложил разграничить понятия «оппозиция» и «оппозиционность». В понятие «оппозиционность» он включает «широкий спектр проявлений эмоций, установок, ценностей и взглядов, в большей или меньшей степени отрицающих эмоции, установки, ценности и взгляды, предлагаемые и культивируемые властью» (Сергеев, 2004, с. 131). Оппозиционность — это широкие формы социального инакомыслия, массового недовольства, формы противодействия власти, не оформленные в организационно-институциональные рамки.

Большинство российских обществоведов рассматривают политическую оппозицию в широком смысле, включая в свой анализ всех субъектов, противостоящих власти, неформальные организации, которые в той или иной степени отражают общественное мнение в соответствующих лозунгах и проектах (Кислицын, 2011, с. 13). Такая установка приводит к тройственному взгляду на определение оппозиции: во-первых, это некая сумма *отношений* между субъектом, обладающим политической властью и его оппонентом; во-вторых — это *институт* демократии (Пономарев, 2001, с. 54); а в-третьих — субъект политической жизни (Гаврилов, 2003, с. 19).

Примером «первого взгляда» является диссертация историка Е. Дерябиной, которая рассматривает оппозицию как «противопоставление стратегических и тактических целей со стороны различных политических субъектов (политических партий, общественно-политических движений, блоков и коалиций) стратегической и тактической направленности властных институтов на развитие той или иной общественной системы» (Дерябина, 1998, с. 12). Российские социологи определяют политическую оппозицию в широком смысле как социальное явление, присущее самой природе человеческого общества в силу его неоднородности и различия интересов (Пешков, 2000, с. 38), как социальный институт (Воскресенский, 2005).

Примером «второго взгляда» является определение А. П. Цыганкова, понимающего под оппозицией «политический институт, созданный для выражения и отстаивания интересов, которые, формируясь в центре и регионах, отличаются от интересов, реализуемых в политике центральной власти (правительства)» (Цыганков, 1995, с. 98). По мнению Л. Мусиной, политическая оппозиция — это политические институты, имеющие своей целью достижение власти или влияние на власть, проводящие в своей деятельности линию политической альтернативы или противостояния правящей политической элите (Мусина, 2005, с. 12).

Примером третьего, «субъектного» взгляда на понятие «политическая оппозиция» являются определения А. Борисенко, А. Курбанова, С. Сергеева, Г. Гаврилова. Последний определял ее как «организованную группу субъектов, ве-

дущую борьбу за обладание доминирующим политическим ресурсом системы. В рамках этой схемы доминирующий властный ресурс является основой для осуществления властных полномочий в системе» (Гаврилов, 2002, с. 224).

Итак, в работах российских политологов преобладает широкое понимание политической оппозиции — рассмотрение всех субъектов, выражающих своё несогласие с политическим курсом правящей группы. Размытое определение оппозиции включает в одну дефиницию и характер отношений между властью и ее оппонентом, и институт, и субъект политического действия.

ПРИЗНАКИ ОППОЗИЦИИ

В поисках четкой дефиниции российские политологи пытались выделить *атрибутивные черты* оппозиционного действия. С. Малугин анализирует оппозицию как *критический дух* и как институт (Малугин, 2009, с. 4). Рассматривая отношения власти и оппозиции через теорию конфликтов и теорию дискурса, Л. Тимофеева признаком оппозиции считает *инакомыслие*: политическая оппозиция — это «альтернативная власть со своим набором смысловых политических кодов, выбранных в данный момент меньшинством в обществе, чьи интересы представлены или не представлены в парламенте» (Тимофеева, 2005, с. 22). Для осуществления противодействия политическая оппозиция должна обладать *оппозиционным сознанием* и осуществлять *протестные действия* (Танова, 2003, с. 6).

Д. Зеркин определяет оппозицию как «организованную группу индивидов, объединенную сознанием общности своих политических интересов, ценностей и целей и ведущих борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе государственной власти» (Зеркин, 1998, с. 95). Подчеркиваются три важные черты оппозиции — осознание общности своих интересов, предполагающее *идентификацию* себя с оппозиционным проектом (идеями, группой), *активная деятельность* — борьба с господствующим субъектом, и *организованность* субъекта.

По мнению А. Борисенко, «политическая оппозиция — это политический актор, выражающий интересы и ценности, не представленные в осуществляемом политическом курсе, посредством предложения альтернативных путей развития общества и оказания различных форм противодействия власти» (Борисенко, 2008, с. 11); при этом характерной чертой оппозиции является ее институциональное оформление и способность предлагать *альтернативные варианты решения проблем*. По наблюдению А. Москалевой, базовыми функциями политической оппозиции являются критика решений правящей группы, предложение альтернативы, формирование потенциальных управленческих кадров (Москалев, 2011, с. 8). По мнению Д. Татарковой, ключевой функцией политической оппозиции является обеспечение механизма обратной связи, который позволяет власти отвечать на запросы общества и учитывать его интересы, а обществу, оказывая поддержку законодательной системе и институтам, легитимизировать власть (Татаркова, 2015, с. 3). Признаком политической субъектности, по мнению А. Курбанова, становится способность субъекта уста-

навливать собственные правила в значимой для субъекта системе отношений и заставлять своих контрагентов считаться с ними как со значимым фактором, а также способность самого субъекта следовать им, не отказываясь от них под внешним давлением (Курбанов, 2009, с. 12).

Так как политическая оппозиция не существует вне отношений власти и всегда противопоставлена власти, Г. Гаврилов считает субстанциональными характеристиками оппозиции *стремление обрести власть* (Гаврилов, 2003, с. 15) и активную *организованную борьбу за доминирующие властные ресурсы* (Гаврилов, 2003, с. 32). Подобное понимание позволяет нивелировать такие слабости существующих концепций, как тенденция связывать политическую оппозицию исключительно с борьбой парламентских партий, либо считать оппозицией любое несогласие с властным субъектом, в том числе по несущественным вопросам. При этом в качестве субъекта оппозиции могут выступать как политические партии, так и различные элитные группировки, отдельные институты государственной власти, корпоративные структуры.

Развивая точку зрения Г. Гаврилова, главным критерием оппозиции Э. Шакирова считает факт *диспозиции* политических акторов *по отношению к власти*, ключевую *цель* их деятельности. Исходя из этого «политическая оппозиция определяется как совокупность политических акторов, оппонирующих власти, действующих как внутри, так и вне институциональных границ, не занимающих властно-управленческих позиций, но стремящихся их достичь» (Шакирова, 2013, с. 5).

Таким образом, перечень атрибутивных черт политической оппозиции включает:

- инакомыслие — несогласие с предлагаемым правящим классом вариантом пути общественного развития или решения конкретной проблемы;
- публичное обозначение своего несогласия, идентификация себя как контрагента власти;
- наличие и предложение собственного альтернативного проекта общественного развития, проекта решения проблемы;
- представительство групп общества, функционирование «контура обратной связи»;
- протестные действия, противодействие власти;
- организованность;
- способность субъекта устанавливать собственные правила в значимой для субъекта системе отношений и заставлять своих контрагентов считаться с ними как со значимым фактором;
- контроль над деятельностью власти;
- диспозицию политических акторов, не занимающих властно-управленческих позиций;
- борьбу за доминирующие позиции в органах власти;
- стремление к институциональному оформлению в партию или движение;
- рекрутирование и продвижение контрэлиты (лиц и групп, стремящихся к занятию властных позиций, но пока их лишенных).

Возникает теоретическое затруднение, касающееся обязательности наличия у политической оппозиции всех перечисленных черт. Другими словами, можем ли мы считать политической оппозицией субъектов, которые не обладают всеми названными атрибутами? Политологи заметили, что не всегда оппозиция обладает собственной оригинальной политической программой, отличающейся от правительственной. Оппозиция может критиковать конкретные стороны правительственного курса, отдельных политических деятелей из правящего лагеря, но не ставить под сомнение стратегическую политическую линию правящей группы. Оппозиция как противостоящая власти группа может пользоваться большей поддержкой, чем власть, т.е. может обладать большинством. В гибридных режимах оппозиция может отказываться от вхождения в органы власти, от властных статусов. Большое место в исследованиях российских политологов занимает теоретическое и практическое определение *псевдооппозиции* — субъектов политического процесса, которые имитируют оппозиционную деятельность, но не отвечают базовым критериям оппозиции (не выполняют базовых функций).

Подводя итоги, отметим, что в российской политической науке закрепилось узкое и широкое понимание политической оппозиции. При узком понимании речь идет о политической партии, обладающей меньшинством в парламенте, способной на ближайших выборах получить большинство или участвовать в коалиционном правительстве. При широком понимании речь идет обо всех участниках политического процесса, выражающих свое несогласие с реализуемым политическим курсом. Оба подхода признаются несовершенными. При узком взгляде на оппозицию в современных конкурентных режимах уже нельзя выделить одну единственную партию — консолидированную оппозицию, — способную самостоятельно сформировать правительство. Называющие себя оппозиционными политические партии могут не обладать ключевым атрибутом оппозиции — стремлением к власти, ограничиваясь политическим давлением, представлением интересов своего немногочисленного ядерного электората. При широком подходе к политической оппозиции могут быть отнесены практически все участники политического процесса, не входящие в правящую группу. Широкое понимание оппозиции размывает специфику оппозиционного субъекта. Удачным концептуальным ограничением широкого подхода является введение понятия «оппозиционность», выделяющего из явления «оппозиции» широкие формы социального инакомыслия, массовые проявления недовольства, акции противодействия власти, не оформленные в организационно-институциональные рамки.

Анализ сформулированных в отечественной политологии определений «политическая оппозиция» позволяет объединить их в три группы: во-первых, это некая сумма *отношений* между субъектом, обладающим политической властью, и его оппонентом, во-вторых — *институт* демократии и, в-третьих — субъект политической жизни.

Литература

Бигазијева С. С. Особенности парламентской оппозиции в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 24 с.

Борисенко А. В. Становление и развитие политической оппозиции в современной России: общенациональные черты и региональные особенности: дис... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008. 197 с.

Володина С. В. Институциональные факторы влияния на политическую конкуренцию: основные подходы к изучению и современная российская практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 27–36.

Воробьев А. А. Основные тенденции формирования оппозиционности в современном российском политическом процессе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 26 с.

Воскресенский А. Е. Политическая оппозиция в современном российском обществе: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 28 с.

Гаврилов Г. А. Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2003. 158 с.

Гаврилов Г. А. Феномен политической оппозиции: теоретический аспект // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. С. 217–228.

Гельман В. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 256 с.

Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 52–70.

Гельман В. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 135–152.

Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ВШЭ, 2010. 288 с.

Даль Р. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. 204 с.

Дерябина Е. С. Становление и развитие политической оппозиции в переходный период отечественной истории (1985–1993 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1998. 23 с.

Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2007. 544 с.

Зеркин Д. П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. № 5. С. 89–108.

Калинин Б. Ю. Российская оппозиция в период трансформации политической системы: структурно-функциональный анализ (1993–2004 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2005. 24 с.

Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России / под общ. ред. А. В. Понеделкова, А. М. Старостина. М.: КРАСАНД, 2011. 507 с.

Курбанов А. Р. Оппозиция как субъект политического процесса (на примере России): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 27 с.

Линц Х. Крушение демократических режимов. Кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. 1993. № 39–40. 221 с.

Малугин С. Б. Политическое позиционирование коммунистической оппозиции в России в электоральных циклах 1999–2008 годов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 25 с.

Михалева Г. М. Российские партии в контексте трансформации. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 350 с.

Москалев А. Е. Оппозиционные молодежные общественные объединения в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 26 с.

Мусина Л. М. Политическая оппозиция в постсоветской России: этапы и особенности становления: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2005. 28 с.

Ндайишимийе Т. Г. Российские политические традиции как ресурс власти и оппозиции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2018. 24 с.

Пешков В. П. Политическая оппозиция как социальный институт реформируемого российского общества: эволюция восприятия массовым сознанием: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000. 368 с.

Политлексикон: понятие, факты, взаимосвязи / пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 783 с.

Пономарев К. Н. Политическая оппозиция как атрибут демократии: дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2001. 137 с.

Сергеев С. А. Политическая оппозиция в современной России (Федеральный и региональный аспекты): дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2005. 390 с.

Сергеев С. А. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 125–137.

Скакунов Э. И. Политическая оппозиция в период модернизации в России // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 13–19.

Танова А. Г. Легальная оппозиция в политическом процессе современного российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2003. 24 с.

Татаркова Д. Ю. Формирование политической оппозиции в России (2011–2012 гг.): конфликтный дискурс: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. 26 с.

Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсивный анализ (теория, история, методология): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. 58 с.

Тощева А. В. Коммуникационный ресурс политической оппозиции в Российской Федерации (2000–2010-е гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2014., 24 с.

Цыганков А. П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интерпракс, 1995. 296 с.

Чернокозова М. О. Социально-психологические особенности оппозиционности в российском обществе дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 323 с.

Шакирова Э. В. Политическая оппозиция в постсоветской России: динамика конкурентного потенциала: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2013. 21 с.

Best R. How Party System Fragmentation has Altered Political Opposition in Established Democracies // Government and Opposition. 2013. Vol. 48, is. 3. P. 314–342.

Blondel J. Political Opposition in the Contemporary World // Government and Opposition. 1997. Vol. 32, is. 4. P. 462–486.

Brack N., Weinblum S. «Political Opposition»: Towards a Renewed Research Agenda // Interdisciplinary Political Studies. 2011. Vol. 1, no. 1. P. 70–82.

Johnson N. Opposition in the British Political System // Government and Opposition. 1997. Vol. 32, is. 4. P. 457–678.

Kubat M. Teoria opozycji politycznej. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2010. 162 s.

Political Oppositions in Western Democracies / ed. by R. A. Dahl. New Haven: Yale University Press, 1966. 484 p.

Савенков Роман Васильевич — канд. полит. наук, доц.; rvsav@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 12 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 7 февраля 2019 г.

Для цитирования: *Савенков Р. В.* Современные исследования политической оппозиции в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 1. С. 275–290. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.208>

CONTEMPORARY STUDIES OF THE POLITICAL OPPOSITION IN RUSSIA

Roman V. Savenkov

Voronezh State University,
88, Moskovsky pr., Voronezh, 394068, Russia; rvsav@yandex.ru

Analysis of Russian researches on the problem of political opposition allows us to identify three main conceptual approaches to the study of political opposition: institutional (political), behavioral (sociological or procedural) and conflict-discursive. The institutional approach focuses on political and legal institutions and phenomena that create opportunities or limitations for the action of political opposition. The object of attention in the "sociological" tradition is social groups, their goals, values, self-identification, their own understanding of political and legal norms, and realizable patterns of behavior. The basis of the conflict-discursive approach is the analysis of political symbols, their means of interpretation, and actors of political (conflict) communication. A narrow and broad understanding of the political opposition has consolidated in Russian political science. With a narrow understanding, we are talking about a political party that has a minority in parliament, and with a broad understanding, we are talking about all participants in the political process, expressing their disagreement with the political course being implemented. A review of Russian studies allowed us to form a list of signs of a political opposition: dissent, a public designation of their disagreement and internal identification, the proposal of an alternative social development project, representation of groups of society, opposition of the authorities, organization, the ability to establish their own rules of the "game", control over the activities of the authorities, disposition, the struggle for dominant positions in government, the desire for institutionalization, recruitment of counter-elites. A large place in the studies of Russian political scientists is occupied by the theoretical and practical definition of pseudo-opposition — the actors of the political process that imitate opposition activities, but do not meet the basic criteria of the opposition.

Keywords: political opposition, party, elections, discourse, elite, parliament.

References

Best R. How Party System Fragmentation has Altered Political Opposition in Established Democracies. *Government and Opposition*, 2013, vol. 48, is. 3, pp. 314–342.

Bigazieva S. S. *Osobennosti parlamentskoi oppozitsii v politicheskom protsesse sovremennoi Rossii* [Features of the parliamentary opposition in the political process of modern Russia]. Abstract of PhD thesis. Saratov, 2013. 24 p. (In Russian)

Blondel J. Political Opposition in the Contemporary World. *Government and Opposition*, 1997, vol. 32, is. 4, pp. 462–486.

Borisenko A. V. *Stanovlenie i razvitie politicheskoi oppozitsii v sovremennoi Rossii: obshchefederal'nye cherty i regional'nye osobennosti* [Formation and development of political opposition in contemporary Russia: general federal features and regional features]. PhD. Thesis. Stavropol', 2008. 197 p. (In Russian)

Brack N., Weinblum S. «Political Opposition»: Towards a Renewed Research Agenda. *Interdisciplinary Political Studies*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 70–82.

Chernokozova M. O. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti opozitsionarnosti v rossiiskom obshchestve* [Socio-psychological characteristics of opposition in Russian society]. PhD Thesis. Moscow, 2003. 323 p. (In Russian)

Dal' R. *O demokratii* [On democracy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 204 p. (In Russian)

Dal' R. *Poliarkhiia: uchastie i oppozitsiia* [Polyarchy: Participation and Opposition]. Moscow, Izd. Dom Gos. un-ta — Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 288 p. (In Russian)

Deriabina E. S. *Stanovlenie i razvitie politicheskoi oppozitsii v perekhodnyi period otechestvennoi istorii (1985–1993 gg.)* [Formation and development of political opposition in the transition period of national history (1985–1993)]. Abstract of PhD. Thesis. Perm', 1998. 23 p. (In Russian)

Duverger M. *Politicheskie partii [Political parties]*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2007. 544 p. (In Russian)

Gavrilov G. A. Fenomen politicheskoi oppozitsii: teoreticheskii aspekt [The phenomenon of political opposition: a theoretical aspect]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2002, pp. 217–228. (In Russian)

Gavrilov G. A. *Modeli politicheskoi oppozitsii: teoretiko-metodologicheskii analiz [Models of political opposition: theoretical and methodological analysis]*. PhD Thesis. Ekaterinburg, 2003. 158 p. (In Russian)

Gel'man V. Politicheskaiia oppozitsiia v Rossii: vymiraiushchii vid? [Political opposition in Russia: an endangered species?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2004, no. 4, pp. 52–70. (In Russian)

Gel'man V. Politicheskie partii v Rossii: ot konkurentsii — k ierarkhii [Political parties in Russia: from competition to hierarchy]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2008, no.5, pp. 135–152. (In Russian)

Gel'man V. *Iz ognia da v polymia: rossiiskaia politika posle SSSR [From Fire to the Fire: Russian Policy after the USSR]*. St. Petersburg, BKhV-Peterburg Publ., 2013. 256 p. (In Russian)

Johnson N. Opposition in the British Political System. *Government and Opposition*, 1997, vol. 32, is. 4, pp. 457–678.

Kalinin B. Iu. *Rossiiskaia oppozitsiia v period transformatsii politicheskoi sistemy: strukturno-funktsional'nyi analiz (1993–2004 gg.) [Russian opposition in the period of transformation of the political system: a structural-functional analysis (1993–2004)]*. Abstract of PhD Thesis. Nizhni Novgorod, 2005. 24 p. (In Russian)

Kislitsyn S. A. *Kontrol'ny, oppozitsii i frondy v politicheskoi istorii Rossii [Counter-elites, oppositions and Frondy in the political history of Russia]*. Ed. by A. V. Ponedelkov, A. M. Starostin. Moscow, KRASAND Publ., 2011. 507 p. (In Russian)

Kubat M. *Teoria opozycji politycznej [Theory of political opposition]*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2010. 162 p.

Kurbanov A. R. *Oppozitsiia kak sub"ekt politicheskogo protsessa (na primere Rossii) [Opposition as a subject of the political process (on the example of Russia)]*. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 2009. 27 p. (In Russian)

Lints Kh. Krushenie demokraticeskikh rezhimov. Krizis, razrushenie i vosstanovlenie ravnovesiia [The collapse of democratic regimes. Crisis, destruction and restoration of equilibrium]. *Problemy Vostochnoi Evropy*, 1993, no. 39–40. (In Russian)

Malugin S. B. *Politicheskoe pozitsionirovanie kommunisticheskoi oppozitsii v Rossii v elektoral'nykh tsiklakh 1999–2008 godov [Political positioning of the communist opposition in Russia in the electoral cycles of 1999–2008]*. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 2009. 25 p. (In Russian)

Mikhaleva G. M. *Rossiiskie partii v kontekste transformatsii [Russian parties in the context of transformation]*. Moscow, Knizhnyi dom LIBROKOM Publ., 2009. 350 p. (In Russian)

Moskalev A. E. *Oppozitsionnye molodezhnye obshchestvennye ob"edineniia v politicheskom protsesse sovremennoi Rossii [Opposition youth public associations in the political process of contemporary Russia]*. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 2011. 26 p. (In Russian)

Musina L. M. *Politicheskaiia oppozitsiia v postsovetskoi Rossii: etapy i osobennosti stanovleniia [Political opposition in post-Soviet Russia: stages and features of formation]*. Abstract of PhD Thesis. Ufa, 2005. 28 p. (In Russian)

Ndaiishimie T. G. *Rossiiskie politicheskie traditsii kak resurs vlasti i oppozitsii [Russian political traditions as a resource of power and opposition]*. Abstract of PhD Thesis. Kazan', 2018. 24 p. (In Russian)

Peshkov V. P. *Politicheskaiia oppozitsiia kak sotsial'nyi institut reformiruemogo rossiiskogo obshchestva: evoliutsiia vospriiatiia massovym soznaniem [The political opposition as a social institution of the reformed Russian society: the evolution of perception by the mass consciousness]*. D. Sci. Thesis. Moscow, 2000. 368 p. (In Russian)

Political Oppositions in Western Democracies. Ed. by R. A. Dahl. New Haven, Yale University Press, 1966. 484 p.

Politleksikon: poniatie, fakty, vzaimosviazi [Political lexicon: concept, facts, interrelations]. Trans. from German. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2013. 783 p. (In Russian)

Ponomarev K. N. *Politicheskaia oppozitsiia kak atribut demokratii* [Political opposition as an attribute of democracy]. PhD Thesis. Kazan', 2001. 137 p. (In Russian)

Sergeev S. A. *Politicheskaia oppozitsiia i oppozitsionnost'*: opyt osmysleniia poniatii [Political opposition and opposition: the experience of understanding the concepts]. *Sotsial'no-gumani-tarnye znaniia*, 2004, no. 3, pp. 125–137. (In Russian)

Sergeev S. A. *Politicheskaia oppozitsiia v sovremennoi Rossii* (Federal'nyi i regional'nyi aspekty) [Political opposition in contemporary Russia (Federal and regional aspects)]. D. Sc. Thesis. Kazan', 2005. 390 p. (In Russian)

Shakirova E. V. *Politicheskaia oppozitsiia v postsovetskoii Rossii: dinamika konkurentnogo potentsiala* [Political opposition in post-Soviet Russia: the dynamics of competitive potential]. Abstract of PhD Thesis. Ufa, 2013. 21 p. (In Russian)

Skakunov E. I. *Politicheskaia oppozitsiia v period modernizatsii v Rossii* [Political opposition in the period of modernization in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1999, no. 8, pp. 13–19. (In Russian)

Tanova A. G. *Legal'naia oppozitsiia v politicheskom protsesse sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Legal opposition in the political process of contemporary Russian society]. Abstract of PhD Thesis. St. Petersburg, 2003. 24 p. (In Russian)

Tatarkova D. Iu. *Formirovanie politicheskoi oppozitsii v Rossii (2011–2012 gg.): konfliktnyi diskurs* [Formation of a political opposition in Russia (2011–2012): conflict discourse]. PhD Thesis. Moscow, 2015. 26 p. (In Russian)

Timofeeva L. N. *Vlast' i oppozitsiia: konfliktno-diskursnyi analiz (teoriia, istoriia, metodologiiia)* [Power and opposition: conflict-discourse analysis (theory, history, methodology)]. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 2005. 58 p. (In Russian)

Toshcheva A. V. *Kommunikatsionnyi resurs politicheskoi oppozitsii v Rossiiskoi Federatsii (2000–2010-e gg.)* [Communication resource of political opposition in the Russian Federation (2000–2010-ies)]. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 2014. 24 p. (In Russian)

Tsygankov A. P. *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiiia, dinamika* [Contemporary political regimes: structure, typology, dynamics]. Moscow, Interpraks Publ., 1995. 296 p. (In Russian)

Volodina S. V. *Institutsional'nye faktory vliianiia na politicheskuiu konkurentsiuu: osnovnye podkhody k izucheniiu i sovremennaia rossiiskaia praktika* [Institutional factors of influence on political competition: basic approaches to the study and contemporary Russian practice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2014, no. 4, pp. 27–36. (In Russian)

Vorob'ev A. A. *Osnovnye tendentsii formirovaniia oppozitsionnosti v sovremennom rossiiskom politicheskom protsesse* [The main trends in the formation of opposition in the contemporary Russian political process]. Abstract of PhD Thesis. Saratov, 2013. 26 p. (In Russian)

Voskresenskii A. E. *Politicheskaia oppozitsiia v sovremennom rossiiskom obshchestve: sostoiianie i tendentsii razvitiia* [Political opposition in contemporary Russian society: state and development trends]. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 2005. 28 p. (In Russian)

Zerkin D. P. *Politicheskii konflikt i oppozitsiia* [Political Conflict and Opposition]. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, 1998, no. 5, pp. 89–108. (In Russian)

Received: December 12, 2018

Accepted: February 7, 2019

For citation: Savenkov R. V. Contemporary Studies of the Political Opposition in Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 275–290.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.208> (In Russian)